

сти для человека жизни и смерти: его трактат не содержит аскетических или эсхатологических настроений; определяя основные параметры человеческой жизни, Кидонис не сводит ее к идеалу монашеского отшельничества, выделяя город в качестве идеала социума, а творческую деятельность человека как смысл его существования.

В. С. Шандровская выступила с докладом «Применение печатей в византийской практике по сообщениям письменных источников». Изучение письменных источников — договора русских с греками 945 г., «Книги эпарха», писем Лиудигранда, «Эклоги», «Прохирона», Новелл Льва VI, «Пиры» и др., а также печатей, хранящихся в Эрмитаже и других коллекциях, позволило докладчице констатировать, что опечатывание официальных документов, частной корреспонденции и товаров имело в Византии широкое распространение; наличие печати являлось свидетельством подлинности источника, придавало ему юридическую силу. В. С. Шандровская отметила, что печати при документах ведут свое происхождение от товарных пломб, которые использовались при опечатывании товаров в таможенных и на торговых складах; отсутствие в большинстве юридических источников терминологических различий в употреблении слова «печать» не позволяет уточнить, какие именно печати — прикладные или подвесные — имеются в виду в каждом отдельном случае. Особо остановилась докладчица на примерах юридической практики, приведенных в «Пире», — процедуре вскрытия завещаний, где фигурируют подвесные свинцовые печати как свидетелей, так и должностных лиц, связанных с судопроизводством и составляющих ведомство квестора. Перечень последних, подчеркнула В. С. Шандровская, важен для изучения некоторых существенных сторон юридической практики византийской дипломатики и административного строя Византии.

Доклад «Знак сокращения как датирующий элемент надписей на византийских моливдувах IX—X вв.» был прочитан И. В. Соколовой. Исследование печатей VIII—IX вв. привело докладчицу к убеждению, что одним из наиболее подвижных элементов надписи на них является знак сокращения, причем сравнение изменения его на печатях и монетах того же времени показало, что оно происходит параллельно. Это наблюдение позволило И. В. Соколовой попытаться датировать знак сокращения на печатях второй половины IX—X в., сравнивая печати с монетами того же времени.

В центре доклада К. А. Осиповой «К проблеме условной собственности в Византии» стояла проблема византийской прониции; на основании некоторых новых документов (фрагментов вновь открытого византийского податного трактата) докладчица предложила более раннюю датировку возникновения этого института в Византии (X—XI вв.).

В докладе «Афанасий I и византийское общество: некоторые проблемы взаимоотношений» Н. Д. Барабанов выступил с опровержением распространенного в историографии последних лет мнения о полной непопулярности константинопольского патриарха Афанасия I в современном ему обществе и об ожесточенном сопротивлении, которое оказывалось в церкви и в светском обществе его реформам. Детальное изучение данных нарративных источников и эпистолярного наследия патриарха позволяет, считает докладчик, заключить, что база, на которую опирался Афанасий I в период двух своих патриархатов, была весьма значительной, причем наиболее благоприятным было отношение к патриарху со стороны монашества и народных масс.

В докладе Л. Т. Авилушкиной сообщалось о том, что в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР имеется рукопись (О № 7), которая датируется последней четвертью XVI в. и содержит «Хронику» Михаила Глики, оканчивающуюся 1059 г. Текст этого списка дает довольно значительное разночтение по сравнению с текстом, изданным в 1836 г. И. Беккером в Боннском корпусе, а характер разночтений позволяет говорить о том, что список БАН содержит иную редакцию «Хроники» Михаила Глики.